

Е.Н. Шитова

«ДЕМОКРАТИЯ С ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ»: СТРАННОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. В современном мире существует разрыв между формальными демократическими институтами и культурными, историческими, ценностными традициями, утвердившимися в определенных странах/социуме исторически. Явление демократий, соответствующих формальным, процедурным признакам, но вызывающих сомнение по поводу своей демократической сущности, породило новые концепты для описания происходящих изменений, в совокупности называемые «демократии с прилагательными». В настоящее время в дискурсе о «демократиях с прилагательными» задействовано более 60 стран, наиболее развернутое обсуждение ведется на примере стран Латинской Америки. Методологическую основу исследования составляют системный, структурно-функциональный, сравнительно-исторический, сравнительно-политический, геополитический и культурно-цивилизационный подходы, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, моделирования, наблюдения. В данной статье объясняется концепт «демократии с прилагательными», показаны графически страны, которые данным дискурсом охвачены, выделены отдельные признаки, присущие этим регионам, что позволяет увидеть региональное распределение проблем демократии и их конфигурации, являются ли отдельные проблемы характерными только для одной группы стран или же проблемы не имеют регионального измерения.

Ключевые слова: политика, управление, международные отношения, демократия, политический режим, Латинская Америка, демократизация, региональное распределение, интересы, безопасность

Сегодня согласно Freedom House 123 из 197 стран являются демократическими¹. Критерий – наличие в стране конкурентных многопартийных выборов. Однако, что происходит после выборов в формально демократических странах? И действительно ли данные страны можно считать таковыми в понимании западной либеральной демократии?

Является ли Россия демократией? А что можно сказать об Украине, Молдове, Грузии, Киргизии? Можно ли считать одинаковым демократическое развитие, например, в Бразилии и США? И есть ли какие-то критерии, которые позволят выявить «оттенки» демократичности?

1980-е гг. XX века породили по-настоящему эйфорию в рядах транзитологов. Политические процессы в Бразилии и других странах Латинской Америки, изменения, происходящие в Советском Союзе, давали надежду на то, что модель либе-

ральной демократии победила как идеология и приход к ней остальных стран – это вопрос времени. Однако по прошествии двух десятилетий с уверенностью можно сказать, что восторги транзитологов были преждевременными: большинство стран (за редким исключением) вышло из точки А, но так и не пришло в точку Б. В ряде стран демократический транзит эмпирически ненаблюдаем: нет перехода к консолидированной демократии². Есть не транзит, а трансформация: изменение режима с неясным исходом (от одного недемократического состояния к другому недемократическому состоянию)³. Данные изменения политического режима в странах с неконсолидированной демократией породили новый режим – гибридный – который

² Puhle, H. Democratic Consolidation and “Defective Democracies” // Universidad Autónoma de Madrid. Working Paper 47/2005. pp. 1-20.

³ Croissanta A. From transition to defective democracy: mapping Asian democratization.

¹ FreedomHouse.org

уже нельзя назвать в полной мере авторитарным, но в то же время нельзя причислить и к демократическому. Поэтому режимы некоторых стран “третьей волны демократизации”, постсоветского пространства и др. находятся где-то между демократическими и авторитарными.

Существование, с одной стороны, демократических выборных процедур, а, с другой стороны, нарушение гражданских и политических прав, высокий уровень преступности, коррупции и низкий уровень социального и экономического развития, показывает, что необходимо исследовать не только электоральное измерение демократии. Необходимо понимать природу гибридных режимов. К ним можно отнести более 58 стран⁴, т.е. около *трети* всех стран мира.

Данный феномен вызвал интерес большого числа ученых: практически каждый кейс гибридного режима получил собственное название,

В результате появилось огромное количество «прилагательных» к демократии, пытающихся объяснить отдельные кейсы. В то же время появляются концепты, пытающиеся объяснить то же явление, но с помощью приписывания определений авторитарным режимам: «полу-авторитаризм» (Египет, Хорватия, Азербайджан)⁵, «либерализующийся авторитаризм»⁶, «соревновательный авторитаризм»⁷ и т.д. Гибридные режимы (сочетающие демократические и авторитарные элементы) существовали относительно давно. Даже в 1960-е и 1970-е гг. были многопартийные, выборные, но при этом недемократические режимы. В числе таких выборных авторитарных режимов были Мексика, Сингапур, Малайзия, Сенегал⁸. Однако именно в конце 80-х произошел поистине расцвет смешанных концептов. Особенно много появляется концептов, описывающих гибридные режимы с точки зрения «демократий с прилагательными».

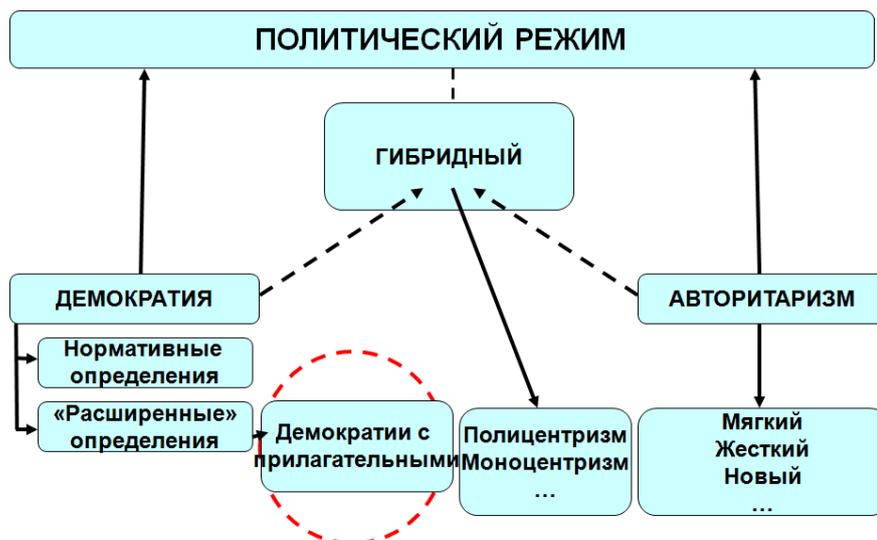

Рис. 1

а также разные подходы к тому, как анализировать данные режимы и как их называть. Пытаясь объяснить природу обозначенного выше явления, исследователи ввели огромное количество концептов для описания каждого отдельного кейса. Однако большое количество концептов не только не дает общего представления о явлении, охватывая лишь какой-то один спектр проблемы, но и еще больше запутывает понимание того, что же такое демократия.

Как видно из рис. 1, «демократии с прилагательными» – это часть гибридного режима. Между авторитарными и демократическими

⁴ Magen A., Morlino L., Hybrid regimes, the rule of law, and external influence on domestic change. 25 p. P 1.

⁵ Ottaway M. Democracy challenged: the rise of semi-authoritarianism. Carnegie Endowment for International peace. 2003. 256 pp.

⁶ Brumberg, D. The Trap of Liberalized Autocracy // Journal of Democracy - Volume 13, Number 4, October 2002, pp. 56-68.

⁷ Levitsky S., Way L. Elections without democracy: the rise of competitive authoritarianism // Journal of Democracy - Volume 13, Number 2, April 2002, pp. 51-65.

⁸ Diamond L. Thinking about hybrid regimes // Journal of democracy, V. 13. 2002. # 2. 21-35 pp. P. 23.

режимами размытого типа не существует четкой границы. Проведения границы субъективно. В данном исследовании такая граница проводится в соответствии с позициями авторов концептов и их назывательных стратегий.

Появление данных стратегий побуждается как объективными практиками, когда режим действительно уже не является авторитарным, но не может считаться демократическим в либерально-западном понимании этого слова, так и субъективными стратегиями отдельных акторов и экспертов. Формально, да и фактически, ряд стран перестали быть авторитарными. Однако они и не стали демократическими в «идеальном» понимании демократии в ее максимальном определении. Концепт «демократия» обрел новые характеристики: не смотря на то, что новые национальные политические режимы в Латинской Америке, Африке, Азии и на постсоветском пространстве обладают важными атрибутами демократии, многие из них существенно отличаются от демократий в развитых индустриальных странах: их нельзя считать полностью состоявшимися, полными демократиями.

Региональное распределение «исследовательского интереса» к проблеме демократий

Для исследования регионального интереса к распределению концепта «демократии с прилагательными» были отобраны тексты авторов, описывающих отдельные случаи применения концепта⁹.

⁹ Good, K. and Taylor, I. Botswana: A Minimalist Democracy (2008); Gills, B. and Rocamora, J. Low Intensity Democracy (1992); Henderson K. The Slovak Republic: explaining defects in democracy (2004); Beverley Milton-Edwards. Façade democracy and Jordan (1993); Sadiki, L. Political Liberalization in Bin Ali's Tunisia: Façade Democracy (2002); Kasfir N. "No-party Democracy" in Uganda (1998); Wong, J. Deepening Democracy in Taiwan (2003); Sanin, F. Fragile Democracy and Schizophrenic Liberalism: Exit, Voice, and Loyalty in the Andes (2005); Petrov, Lipman. Hale. Overmanaged Democracy in Russia: Governance Implications of Hybrid Regimes (2010); Berntzen. Democratic Consolidation in Central America (1993); Stahler-Sholk, R. El Salvador's Negotiated Transition: From Low-Intensity Conflict to Low-Intensity Democracy (1994); Loveman B. "Protected Democracies" and Military Guardianship: Political Transitions in Latin America, 1978-1993 (1994); Zakaria, F. The rise of illiberal democracy // Foreign affairs, (1997); Fritz, V. Mongolia: The Rise and Travails of a Deviant Democracy (2008); Farred G. Disorderly Democracy:

Всего получилось 29 концептов и 45 признаков. 45 полученных признаков условно можно разделить на 5 видов проблемных зон:

- институциональные – 19 признаков (слабость формальных институтов/ персонализм; политическая роль военных; неравные условия политической конкуренции (соревнования); нарушения в партийной системе; нарушение принципа взаимного контроля ветвей власти; переход элиты из старого режима в новый; элитизм; узкий круг политиков, имеющих реальное влияние; клиентелизм; доминирование невыборных корпоративных субъектов политики в политическом процессе и т.д.).
- процедурные – 8 признаков (отсутствие консенсуса по поводу «правил игры»; отсутствие каналов обратной связи; ограничение гражданских прав; нарушение принципа взаимного контроля ветвей власти; слабость формальных институтов/ персонализм; неэффективное управление в новых демократиях; клиентелизм; отсутствие успешности демократии);
- правовые – 10 признаков (права меньшинств, гражданские права и т.д.);
- экономические – 4 признака (экономическая стагнация, рост внешнего долга и т.д.);
- социальные – 5 признаков (религиозный фактор, культурный, этнический: аполитичность населения, религиозная ориентированность)

Распределение демократий с прилагательными на карте мира позволяет оценить охват регионов, которые данные концепты описывают. Основные «ареалы» стран, попавших в дискурс о демократиях с прилагательными – Латинская Америка, постсоветское пространство, частично Азия, Африка и Ближний Восток.

An Axiomatic Politics (2008); Nasr V. The Rise of "Muslim Democracy" (2005); Remmer K. Exclusionary democracy (1986); Neher, C.D. Asian Style Democracy (1994); O'Donnell, G. Delegative Democracy? (1993); Hagopian and Mainwaring. Democracy in Brazil: Problems and Prospects (1987); Htun, M. From "Racial Democracy" to Affirmative Action: Changing State Policy on Race in Brazil (2004); Diamond L. Thinking about hybrid regimes (2002); Roque, P.Cr. Angola's Façade Democracy (2009); Dryzek, J.S. Deliberative Democracy in Divided Societies: Alternatives to Agonism and Analgesia (2005); Neher, C.D. Asian Style Democracy (1994).

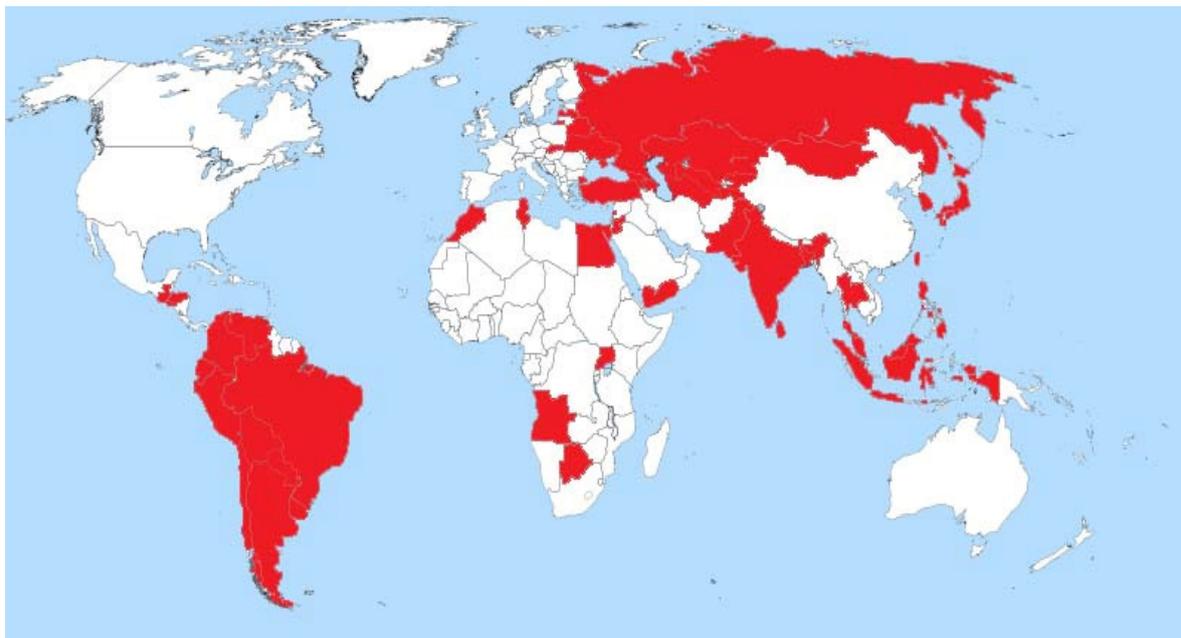

Рис. 2. Распределение демократий с прилагательными на карте мира

Не включены: Швейцария до 1971, Юг США до 1964, Северная Ирландия до 1972, «мусульманский мир».

Рассмотрим отдельные регионы.

Латинская Америка является одним из самых спорных регионов на тему того, какие же в нем режимы: авторитарные или демократические. Про одни и те же страны говорят в одном и том же контексте, выделяют похожие признаки, однако, в зависимости от позиции исследователя, такой набор характеристик приписывают то демократиям с прилагательными, то всевозможным «-измам» облегченной формы. Латинская Америка – самый любимый регион авторов концептов демократий с прилагательными. Столько исследований, сколько ему на протяжении последних двадцати лет, не посвящено никакому другому региону мира. В данном регионе присутствуют только для него присущие признаки, такие как власть военных, ценность военной юрисдикции выше гражданской, вождизм.

Всего на регион приходится тридцать один признак из сорока пяти, выявленных в текстах с разными концептами «демократий с прилагательными». Отсутствует аполитичность населения, использование религиозных принципов в качестве политической платформы.

Пересечение с Россией:

У России с Латинской Америкой общие признаки – узкий круг политиков, имеющих реальное влияние, слабость формальных институтов и персонализм, отсутствие каналов обратной связи, нарушение принципа взаимного контроля ветвей власти (соревнования), неравные условия политической конкуренции. Это роднит ее с такими странами Латинской Америки как Бразилия, Аргентина и Перу, Колумбия, Гондурас до 1980-х. Принадлежность к постсоветскому пространству не добавляет новых стран, но добавляет новые признаки: нарушения верховенства закона, нарушения принципа свободы ассоциаций.

Постсоветское пространство:

Россия является частью постсоветского пространства, поэтому совпадение практически полное (учитывая, что очень мало концептов, описывающих отдельные страны постсоветского пространства в рамках «демократий с прилагательными»).

В числе признаков, относящихся к России и одновременно к постсоветскому пространству, – нарушение принципа верховенства закона, нарушение принципа свободы ассоциаций, нарушение принципа свободы слова и информации,

нарушение принципа взаимного контроля ветвей власти, независимости СМИ, манипуляции через СМИ, элитизм, подмена институтов субститутами, отсутствие каналов обратной связи, персонализм. Неравные условия политической соревновательности. Единственная страна на постсоветском пространстве, не имеющая общих проблем и признаков с Россией – Латвия, в которой главная проблема демократии – ограничение активного и пассивного избирательного права.

Азия:

Азия – единственный регион, где признаки демократий с прилагательными не пересекаются с признаками демократии с прилагательными ни России, ни постсоветского пространства. Зато внутри региона признаки четко поделены на патернализм и персонализм при несоблюдении гражданских прав – Япония, Южная Корея, Шри Ланка, Тайвань, Сингапур, Пакистан, Индия. Особняком стоит Монголия с коррупцией и неэффективным управлением в результате нарушения принципа взаимного контроля ветвей власти. В странах Азии полностью отсутствует основной признак Латинской Америки: какая бы то ни было существенная роль военных.

Ближний Восток:

Для стран Ближнего Востока (Ливан, Иордания, Йемен) до ближайшего времени были характерны государственное вмешательство в экономику, ограничение гражданских прав, нарушения принципа свободы ассоциаций, нарушение принципа свободы слова и информации.

Африка:

Африка – регион, представляющий наименьший для исследователя интерес с точки зрения изучения «демократий с прилагательными» регион. На его территории только четыре страны обсуждаются в политологическом дискурсе как «демократии с прилагательными»: Ангола, Марокко, Египет, Тунис. Да и они делятся на два блока. Ангола с персонализмом, слабостью формальных институтов, доминированием невыборных корпоративных субъектов политики никак не пересекается с Марокко, Египтом и Тунисом, которые на троих делят государственное вмешательство в экономику, ограничение гражданских прав, нарушение принципа свободы слова и информации.

Дискурс о демократиях с прилагательными охватывает все пространство Латинской Америки и постсоветское пространство, а также частично Ближний Восток, Азию и Африку (всего более 60 стран). Однако дальнейший анализ показал, что, несмотря на внушительный охват, страны и их признаки в различных регионах практически не имеют пересечений с другими регионами. Исключением стали Латинская Америка и Постсоветское пространство, у которых оказалось целых семь общих признаков. Россия оказалась по уровню состояния политического режима (согласно дискурсу) близка таким странам как Перу, Бразилия, Филиппины и др.

Библиография

1. Berntzen. Democratic Consolidation in Central America: a qualitative comparative approach / Third World Quarterly, V. 14, N. 3, Democratization in the third world (1993), pp. 589-604
2. Beverley Milton-Edwards, Facade democracy and Jordan / British Journal of Middle Eastern Studies, V. 20, N. 2 (1993), pp. 191-203
3. Brumberg, D. The Trap of Liberalized Autocracy // Journal of Democracy-Volume 13, Number 4, October 2002, pp. 56-68.
4. Croissant A. From transition to defective democracy: mapping Asian democratization / Democratization, V. 11, N. 5 (2004), pp. 156-178
5. Diamond L. Thinking about hybrid regimes // Journal of democracy, V. 13. 2002. # 2. 21-35 pp.
6. Dryzek, J.S. Deliberative Democracy in Divided Societies: Alternatives to Agonism and Analgesia / Political Theory, V. 33, N. 2, (April 2005), pp.218-242

7. Farred G. Disorderly Democracy: An Axiomatic Politics // *The New Centennial Review*, V. 8, N. 2 (2008), pp. 43-65
8. FreedomHouse.org
9. Fritz, V. Mongolia: The Rise and Travails of a Deviant Democracy // *Democratization*, V. 15, N. 4 (2008), pp. 766-788
10. Gills, B. and Rocamora, J. Low Intensity Democracy // *Third World Quarterly*, V. 13, N. 3 (1992), pp.501-523
11. Good, K. and Taylor, I. Botswana: A Minimalist Democracy // *Democratization*, V. 15, N. 4 (2008), pp. 750-765
12. Hagopian and Mainwaring. Democracy in Brazil: Problems and Prospects // *World Policy Journal*, V. 4, N. 3 (1987), pp. 485-514
13. Henderson K. The Slovak Republic: explaining defects in democracy // *Democratization*, V. 11, N. 5 (2004), pp. 133-155
14. Htun, M. From “Racial Democracy” to Affirmative Action: Changing State Policy on Race in Brazil // *Latin American Research Review*, V. 39, N. 1 (2004), pp. 60-89
15. Kasfir N. “No-party Democracy” in Uganda // *Journal of Democracy*, V. 9, N. 2 (1998), pp. 49-63
16. Levitsky S., Way L. Elections without democracy: the rise of competitive authoritarianism // *Journal of Democracy*-Volume 13, Number 2, April 2002, pp. 51-65.
17. Loveman B. “Protected Democracies” and Military Guardianship: Political Transitions in Latin America,1978-1993 (1994)
18. Magen A., Morlino L., Hybrid regimes, the rule of law, and external influence on domestic change. 25 p. P. 1.
19. Nasr V. The Rise of “Muslim Democracy” // *Journal of Democracy*, V. 16, N. 2 (2005), pp. 13-27
20. Neher, C.D. Asian Style Democracy // *Asian Survey*, V. 34, N. 11 (November 1994), pp. 949-961
21. O’Donnel, G. Delegative Democracy? // *Journal of Democracy*, N. 1 (1994)
22. Ottaway M. Democracy challenged: the rise of semi-authoritarianism. Carnegie Endowment for International peace. 2003. 256 pp.
23. Petrov, Lipman. Hale. Overmanaged Democracy in Russia: Governance Implications of Hybrid Regimes / *Carnegie Papers* (2010)
24. Puhle, H. Democratic Consolidation and “Defective Democracies” // *Universidad Autónoma de Madrid. Working Paper* 47/2005. pp. 1-20.
25. Remmer K. Exclusionary democracy // *Studies in Comparative International Rueschemeyer Development*, V. 20, N. 6 (1986), pp. 64-85
26. Roque, P.Cr. Angola’s Façade Democracy // *Journal of Democracy*, V. 20, N. 4 (October 2009), pp. 137-150
27. Sadiki, L. Political Liberalization in Bin Ali’s Tunisia: Façade Democracy // *Democratization*, V. 9, N. 4 (2002), 122-141
28. Sanin, F. Fragile Democracy and Schizophrenic Liberalism: Exit, Voice, and Loyalty in the Andes / *International Political Science Rewiew*, V. 26, N. 1 (2005), pp. 125-139
29. Stahler-Sholk, R. El Salvador’s Negotiated Transition: From Low-Intensity Conflict to Low-Intensity Democracy // *Journal of Interamerican studies and World Affairs*, V. 36, N. 4 (1994), pp. 1-59
30. Wong, J. Deepening Democracy in Taiwan // *Pacific Affairs*, V. 76, N. 2 (2003), pp. 235-256
31. Zakaria, F. The rise of illiberal democracy // *Foreign Affairs*, (1997)
32. Манойло А.В. Стратегии “управляемого хаоса” в условиях хаотизации международных отношений: миф или реальность? // *НВ: Международные отношения*. — 2014.-№1.-С.1-3. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.1.10750. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_10750.html
33. Манойло А.В. Сирийский тупик «Арабской весны». // *Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 12. Политические науки*. 2013. №6. С. 49-56.
34. Манойло А.В. Специфика цветных революций «Арабской весны». // *Известия Уральск. Федерального Ун-та. Сер. 3. Общественные науки*. 2013. №3. С. 30-36.

35. Т.П. Петрова Дипломатические отношения между Россией и Перу: современное состояние и динамика развития // *Международные отношения.*-2012.-1.-С. 46-53.
36. Карпович О.Г. Демократия и демократизация в контексте нового миропорядка // *Политика и Общество.*-2013.-8.-С. 1012-1020. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.8.9142.
37. Карпович О.Г. Демократизация в современных концепциях российских и американских исследователей // *Национальная безопасность / nota bene.*-2013.-3.-С. 494-500. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.3.8083.
38. Т.П. Петрова Современное состояние внешнеполитических отношений России и Перу: проблемы и перспективы международного сотрудничества // *Национальная безопасность / nota bene.*-2012.-3.-С. 86-92.
39. Карпович О.Г. Новый миропорядок и конфигурирование системы международных отношений во внешней политике США // *Политика и Общество.*-2013.-10.-С. 1270-1275. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.10.10013.
40. Зворыгина М.А. Российский федерализм и зарубежный опыт консociальной демократии // *Тренды и управление.*-2014.-1.-С. 14-20. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.1.12384.
41. Валиуллин И.И. Эволюция понятия «информационная война» в политической науке // *Международные отношения.*-2014.-1.-С. 68-74. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10064.
42. Манойло А.В. Национально-государственные модели психологического управления конфликтами. // *Обозреватель-Observer.*-2008.-№2. – С.118-123
43. Райхлин Э.И. Было ли неизбежным крушение «социализма» в СССР? Причины эволюции «реального социализма» // *Международные отношения.*-2013.-4.-С. 471-480. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9750.
44. Виноградова Е.А. Левый поворот в Эквадоре // *Международные отношения.* - 2013. - 2. - С. 129 - 133. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.02.4.

References

1. Berntzen. Democratic Consolidation in Central America: a qualitative comparative approach / *Third World Quarterly*, V. 14, N. 3, Democratization in the third world (1993), pp. 589-604
2. Beverley Milton-Edwards, Fasade democracy and Jordan / *British Journal of Middle Eastern Studies*, V. 20, N. 2 (1993), pp. 191-203
3. Brumberg, D. The Trap of Liberalized Autocracy // *Journal of Democracy*-Volume 13, Number 4, October 2002, pp. 56-68.
4. Croissant A. From transition to defective democracy: mapping Asian democratization / *Democratization*, V. 11, N. 5 (2004), pp. 156-178
5. Diamond L. Thinking about hybrid regimes // *Journal of democracy*, V. 13. 2002. # 2. 21-35 pp.
6. Dryzek, J.S. Deliberative Democracy in Divided Societies: Alternatives to Agonism and Analgesia / *Political Theory*, V. 33, N. 2, (April 2005), pp.218-242
7. Farred G. Disorderly Democracy: An Axiomatic Politics // *The New Centennial Review*, V. 8, N. 2 (2008), pp. 43-65
8. FreedomHouse.org
9. Fritz, V. Mongolia: The Rise and Travails of a Deviant Democracy // *Democratization*, V. 15, N. 4 (2008), pp. 766-788
10. Gills, B. and Rocamora, J. Low Intensity Democracy // *Third World Quarterly*, V. 13, N. 3 (1992), pp.501-523
11. Good, K. and Taylor, I. Botswana: A Minimalist Democracy // *Democratization*, V. 15, N. 4 (2008), pp. 750-765
12. Hagopian and Mainwaring. Democracy in Brazil: Problems and Prospects // *World Policy Journal*, V. 4, N. 3 (1987), pp. 485-514
13. Henderson K. The Slovak Republic: explaining defects in democracy // *Democratization*, V. 11, N. 5 (2004), pp. 133-155

14. Htun, M. From "Racial Democracy" to Affirmative Action: Changing State Policy on Race in Brazil // *Latin American Research Review*, V. 39, N. 1 (2004), pp. 60-89
15. Kasfir N. "No-party Democracy" in Uganda // *Journal of Democracy*, V. 9, N. 2 (1998), pp. 49-63
16. Levitsky S., Way L. Elections without democracy: the rise of competitive authoritarianism // *Journal of Democracy*-Volume 13, Number 2, April 2002, pp. 51-65.
17. Loveman B. "Protected Democracies" and Military Guardianship: Political Transitions in Latin America, 1978-1993 (1994)
18. Magen A., Morlino L., Hybrid regimes, the rule of law, and external influence on domestic change. 25 p. P. 1.
19. Nasr V. The Rise of "Muslim Democracy" // *Journal of Democracy*, V. 16, N. 2 (2005), pp. 13-27
20. Neher, C.D. Asian Style Democracy // *Asian Survey*, V. 34, N. 11 (November 1994), pp. 949-961
21. O'Donnell, G. Delegative Democracy? // *Journal of Democracy*, N. 1 (1994)
22. Ottaway M. Democracy challenged: the rise of semi-authoritarianism. Carnegie Endowment for International Peace. 2003. 256 pp.
23. Petrov, Lipman. Hale. Overmanaged Democracy in Russia: Governance Implications of Hybrid Regimes / *Carnegie Papers* (2010)
24. Puhle, H. Democratic Consolidation and "Defective Democracies" // *Universidad Autónoma de Madrid. Working Paper 47/2005*. pp. 1-20.
25. Remmer K. Exclusionary democracy // *Studies in Comparative International Development*, V. 20, N. 6 (1986), pp. 64-85
26. Roque, P.Cr. Angola's Façade Democracy // *Journal of Democracy*, V. 20, N. 4 (October 2009), pp. 137-150
27. Sadiki, L. Political Liberalization in Bin Ali's Tunisia: Façade Democracy // *Democratization*, V. 9, N. 4 (2002), 122-141
28. Sanin, F. Fragile Democracy and Schizophrenic Liberalism: Exit, Voice, and Loyalty in the Andes / *International Political Science Review*, V. 26, N. 1 (2005), pp. 125-139
29. Stahler-Sholk, R. El Salvador's Negotiated Transition: From Low-Intensity Conflict to Low-Intensity Democracy // *Journal of Interamerican studies and World Affairs*, V. 36, N. 4 (1994), pp. 1-59
30. Wong, J. Deepening Democracy in Taiwan // *Pacific Affairs*, V. 76, N. 2 (2003), pp. 235-256
31. Zakaria, F. The rise of illiberal democracy // *Foreign Affairs*, (1997)
32. Manoilo A.V. Strategii "upravlyaemogo khaosa" v usloviyakh khaotizatsii mezhdunarodnykh otnoshenii: mif ili real'nost'? // *NB: Mezhdunarodnye otnosheniya*. — 2014.-№1.-S.1-3. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.1.10750. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_10750.html
33. Manoilo A.V. Siriiskii tupik «Arabskoi vesny». // *Vestn. Mosk. Un-ta. Ser. 12. Politicheskie nauki*. 2013. №6. S. 49-56.
34. Manoilo A.V. Spetsifika tsvetnykh revolyutsii «Arabskoi vesny». // *Izvestiya Ural'sk. Federal'nogo Un-ta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki*. 2013. №3. S. 30-36.
35. T. P. Petrova Diplomaticheskie otnosheniya mezhdru Rossiei i Peru: sovremennoe sostoyanie i dinamika razvitiya // *Mezhdunarodnye otnosheniya*.-2012.-1.-C. 46-53.
36. Karpovich O.G. Demokratiya i demokratizatsiya v kontekste novogo miroporyadka // *Politika i Obshchestvo*.-2013.-8.-C. 1012-1020. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.8.9142.
37. Karpovich O.G. Demokratizatsiya v sovremennykh kontseptsiyakh rossiiskikh i amerikanskikh issledovatelei // *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene*.-2013.-3.-C. 494-500. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.3.8083.
38. T. P. Petrova Sovremennoe sostoyanie vneshnepoliticheskikh otnoshenii Rossii i Peru: problemy i perspektivy mezhdunarodnogo sotrudnichestva // *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene*.-2012.-3.-C. 86-92.

39. Karpovich O.G. Novyi miroporyadok i konfigurirovanie sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii vo vneshnei politike SShA // Politika i Obshchestvo.-2013.-10.-С. 1270-1275. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.10.10013.
40. Zvorygina M.A. Rossiiskii federalizm i zarubezhnyi opyt konsotsial'noi demokratii // Trendy i upravlenie.-2014.-1.-С. 14-20. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.1.12384.
41. Valiullin I.I. Evolyutsiya ponyatiya «informatsionnaya voina» v politicheskoi nauke // Mezhdunarodnye otnosheniya.-2014.-1.-С. 68-74. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10064.
42. Manoilo A.V. Natsional'no-gosudarstvennyye modeli psikhologicheskogo upravleniya konfliktami. // Obozrevatel'-Observer.-2008.-№2. – S.118-123
43. Raikhlin E.I. Bylo li neizbezhnym krushenie «sotsializma» v SSSR? Prichiny evolyutsii «real'nogo sotsializma» // Mezhdunarodnye otnosheniya.-2013.-4.-С. 471-480. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9750.
44. Vinogradova E.A. Levyy povorot v Ekvadore // Mezhdunarodnye otnosheniya. - 2013. - 2. - С. 129 - 133. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.02.4.